

С. П. БЕЗНОСОВ,

профессор кафедры государственного права СПбГУП, доктор психологических наук

КУЛЬТУРА ЮРИДИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В цивилизации имеет право на существование, сохранение и развитие множество самых разнообразных культур. Каждая из них отличается своеобразием и самобытностью и, тем самым, непреходящей ценностью. Это положение справедливо для всех видов и типов культур: поведения, изобразительной, песенной и танцевальной, манер и традиции оформления собственной внешности и жилищ и т. п. Но, думается, что существует особый тип культуры, который обладает свойством всеобщности и универсальности, это культура мышления. Она либо есть, либо ее нет. Она едина для всех этносов и континентов, для всех времен и народов. Могут существовать разные логики рассуждений: «восхождения от абстрактного к конкретному», «систематического уточнения» и так далее, но законы этих логик должны быть едины для всех, в том числе для представителей разных профессий с их спецификой предметного содержания. Поэтому культура любого профессионального мышления — юридического, философского, политического — должна соответствовать одним и тем же методологическим требованиям.

К сожалению, ни в одном учебном заведении нет специального учебного предмета, который был бы направлен на формирование мыслительной культуры. Молодых людей обучают культуре поведения, дают знания и формируют навыки санитарно-гигиенической культуры, преподают азы культуры профессиональной практики, экологической культуры и так далее, но не культуры мысли. Зато

широко распространен миф, что математика и латынь якобы дают общие, универсальные умения дисциплинированно мыслить. Конечно, это заблуждение. Потому что и то, и другое очень ограничено своим специфическим предметным содержанием и имеет весьма относительное, отнюдь не универсальное отношение к жизни и деятельности людей.

В огромном мире профессий, который живет и развивается по своим законам, имеются самые разные специальности, адекватную типологию которых еще предстоит уточнять и совершенствовать. Отжившие профессии отмирают и появляются новые. Что касается юриспруденции, то это одна из старейших профессий. Юридические факультеты имелись в самых первых университетах мира. «Древность» юриспруденции объясняет в некоторой степени сложившуюся инерционность практики и недостаточную, на наш взгляд, «мощность» понятийного аппарата и, соответственно, теоретической деятельности.

Это один из немногих профессиональных цехов, где издавна принято обсуждать нормы культуры доказывания, алгоритмы и процедуры исследовательской (следственной), проектировочной, нормотворческой и преподавательской деятельности. Например, в юридической психологии одним из самых обсуждаемых и анализируемых разделов является именно «психология следственных действий», что объясняется двумя причинами. Во-первых, результаты работы следователей (на стадиях досудебного и судебного процесса) напрямую оказывают свое влияние на судьбы людей.

И во-вторых, именно здесь обнаруживается и осознается наибольшее количество ошибок в мышлении. Примеры нарушений в логике и культуре мышления часто встречаются и в практической, и в теоретической юридической деятельности. Перечень игнорирования культурных норм мысли хорошо известен. Он описан во многих критических и аналитических работах самих юристов-теоретиков: субъективизм, волюнтаризм и т. п.

Существует одна специфическая особенность, давно подмеченная самими юристами, характерная только для юриспруденции: «Если есть два юриста, то всегда будут три разных мнения!» Сейчас в России по многим телевизионным каналам идут передачи, имитирующие судебные процессы («Федеральный судья», «Суд идет» и т. п.). Автор специально интересовался мнением знакомых юристов о том или ином приговоре или вердикте, который провозглашал телевизионный судья — профессиональный юрист. Итог: ни один юрист ни разу не согласился с доводами и выводами, которые звучали в конкретном судебном процессе!

Подобное невозможно ни в какой другой профессии. Например, если два врача не смогут договориться о тактике лечения конкретного больного, то истину всегда установит либо результат лабораторного эксперимента, либо патологоанатом.

Причин этой специфики юридического труда несколько. Разумеется, возможности полноценно использовать эксперимент как метод познания здесь явно ограничены. Нельзя даже в следственном эксперименте требовать от подсудимого еще раз изнасиловать потерпевшую точно таким же образом.

Юриспруденция — это, пожалуй, единственная сфера профессиональной деятельности, где правильным и истинным признается то, что сложилось в человеческой практике — судебной, следственной, преподавательской и других видах юридической деятельности. Ясно, что сама практика правоприменителей складывается стихийно и хаотично без необходимых и полноценных методологических обоснований. Возведение прецедента в принцип аргументации и доказывания возможно только в юриспруденции.

Часто авторы юридических текстов обращают мало внимания на специфику того мыслительного средства, которое они используют в своих рассуждениях, — на понятия, категории, термины. Допускаются элементарные логические ошибки и в таком простейшем умственном действии, как классификация, группировка, типология. В подобных текстах можно найти многочисленные цитаты, страдающие абсолютной необоснованностью и ярки-

ми субъективизмом и волюнтаризмом. Порой создается впечатление, что некоторые авторы не знакомы ни с современной общей теорией деятельности, ни с теорией мыслительной деятельности, ни с гносеологией. Впрочем, это, к сожалению, характерно и для представителей других профессий.

Весьма полезно было бы обратить внимание на достижения и других наук — семиотики, теории познания, методологии и т. д. Часто многие из них грешат вольным обращением с такими понятиями, как «значение» и «смысл». Встречаются утверждения, в которых серьезно обсуждается вопрос: каким именно смыслом руководствовался законодатель, принимая тот или иной закон. Хотя известно, что *смыслы* в отличие от *значений* принципиально не транслируются.

Казалось бы, назрела необходимость в процессах подготовки юристов ввести специальные учебные курсы, которые смогли бы существенно улучшить их культуру мышления, обратить внимание на современные достижения цивилизации в этих областях познания. Однако даже некоторые видные юристы в частных беседах высказывают противоположное мнение. Они считают, что пока нет необходимости в более глубоких разработках методологических и гносеологических проблем юридической деятельности — по разным причинам. Одна из причин заключается, по их мнению, в слабой подготовленности нынешних правоприменителей. Получается заколдованный круг.

Современная система подготовки специалистов в отечественных вузах напоминает конвейер, когда через каждые полтора часа очередная учебная группа как некая заготовка, полуфабрикат поступает в распоряжение узкого специалиста, который привинчивает к этой заготовке еще одну деталь, еще одну собственную порцию информации. Так группа из года в год переходит от одного профессора к другому, от одной кафедры к другой. Существуют специальные «технологические карты» подобной «обработки деталей» — учебные планы и программы. Образовательное учреждение становится неким производством, в котором обсуждаются планы, цифры, внебюджетные доходы и пр. А что происходит с мышлением, с социальным и культурным становлением нового поколения — разве об этом можно говорить в рамках производственного цикла? Тем самым образование теряет функцию культурного посредника и скорее выполняет функцию института социальной и государственной защиты и информационного справочника, по которому готовят в лучшем случае предметников-специалистов, не обладающих профессиональным гуманитарно

ориентированным мышлением. Большая часть учебного времени в вузах тратится на лекции и семинары, то есть на те формы обучения, которые монологичны, требуют физического присутствия преподавателя. Крайне мало применяются тренинги, мастерские, тренажеры, игры, проектирование и программирование, коллективные формы взаимодействия. В то время как именно такие формы призваны сдвинуть с места консервативную машину-конвейер высшего образования.

Гуманитарные предметы преподаются по старинке, в то время как именно они отвечают за развитие мышления будущих специалистов. Соответственно, должны использоваться гибкие формы коллективной и групповой работы, практика рефлексивной и проективной работы. От этого зависят такие навыки, как умение слушать и слышать, понимать, строить рефлексию, проектировать,

вести переговоры, вступать в диалог, вести дискуссию, участвовать в ролевом обсуждении, уметь переносить знания из одного предмета в другой (предметный и метапредметный трансфер). Подобный блок умений и навыков составляет базу гуманитарного образования.

От конвейерной системы надо переходить к другим моделям образования, где формирование культуры мышления как универсального типа культуры стало бы приоритетным. В этих моделях каждый преподаватель должен быть озабочен не только передачей своих предметных знаний, но и обучением культуры мысли, нормам обращения со средствами мышления. Сейчас для этого разработаны специальные педагогические технологии: мыслетренинги и организационно-деятельностные игры, эффективность которых намного превосходит лекционную форму.